

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.5>

УДК 101.1:316

ББК 87.6

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ КОНВЕРГЕНЦИИ: ОПЫТ СИНТЕЗА КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА В КИТАЕ

Михаил Валерьевич Седельников

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Сибирский федеральный университет
mike.sedelnikov@yandex.ru
просп. Свободный, 82а, 660041 г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена осмыслению опыта политических и социально-экономических преобразований современного Китая, идущего по пути формирования развитого индустриального общества. Вопреки ожиданиям некоторых капиталистических стран после окончания холодной войны и распада Советского Союза глобальная социалистическая система не прекратила существование, а сохранилась и трансформировалась, продолжая оказывать влияние на многие геополитические процессы в мире. Ее локомотивом сегодня является Китай, совершивший «апгрейд» собственного социалистического режима. Осуществление синтеза социализма и отдельных методов капитализма в этом государстве отражает современную точку зрения на теорию конвергенции как взаимообусловленную интеграцию определенных элементов социалистической и капиталистической систем. Высказывается предположение, что конвергентная модернизация, которой подверглась социалистическая система КНР на протяжении последних десятилетий, как в области политики, экономики, так и в сфере общественных отношений коррелирует с выдающимися достижениями этой страны в области научно-технического прогресса. Затронуты вопросы конструктивности сравнительного опыта строительства «рыночного социализма» в Китае и СССР, а также проанализирована целесообразность применения отдельных принципов и методов социализма в современной России.

Ключевые слова: конвергенция, политическая система, социализм, капитализм, социально-экономическое развитие, научно-технический прогресс, модернизация.

Человек, который почувствовал
ветер перемен, должен строить не щит
от ветра, а ветряную мельницу.

Мао Цзэдун

Переходя реку, надо ощупывать
камни под ногами.

Дэн Сяопин

Геополитические разногласия России со странами Запада, выступавшими ориентирами для части российской элиты на протяжении двух последних десятилетий, за несколько лет при-

вели к непростым взаимоотношениям с бывшими партнерами во многих сферах. Свертывание экономического, технического и военного сотрудничества с Европой и США, которое продолжалось с 1990-х, открыло новые горизонты для альянса с давним азиатским соседом России – Китаем, древней державой континентального масштаба.

Пройдя путь от непосредственной помощи со стороны СССР в становлении собственного социалистического режима, Китай испытал периоды политических расхождений и ло-

кальных военных конфликтов с Советским Союзом, пережил крушение Организации Варшавского договора. Основоположники современного политического режима КНР, уважая историю своей страны, не являются «заложниками прошлого», делая акцент на существующем стратегическом партнерстве с Российской Федерацией. В свою очередь, российская политическая элита воспринимает Китайскую Народную Республику как фундаментальную опору мирового порядка, союз с которой может стать мощным противовесом гегемонии США и их сателлитам.

24 июня 2016 г. президент России нанес визит Китаю, обсудив с китайским лидером вопросы научно-технического развития и сотрудничества России и КНР в этой сфере. Встреча лидеров была интересна тем, что общие наукоемкие проекты в энергетике, авиации и подписанные контракты о совместном строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали дают не только практические результаты, но и возможность для анализа перспектив двух политических режимов в области инноваций. Достоинно внимания то, что Си Цзиньпин и Владимир Путин подвергли критике политику государств, сводящуюся к лоббированию собственных геополитических интересов путем демонстрации военно-технического превосходства. Империалистический курс некоторых сверхдержав на милитаризацию и ее соотношение с капитализмом, либеральной экономикой и научно-техническим прогрессом уже рассматривались нами с социально-философской точки зрения. Отмечалось, что идеология милитаризма устаревает, уступая место перспективной идеологии «мягкой» экономической экспансии по примеру Китая, требующей научного осмысления [13, с. 144–145].

Сегодня КНР – успешное государство, одно из немногих, сумевших сохранить принципиальную верность коммунистическим идеям, идеологию, систему планирования и другие специфические черты социалистического режима. В России все чаще в патриотических целях апеллируют к недавнему прошлому, обращая внимание на удачный управленческий советский опыт. С социально-философских позиций интересно рассмотреть, какие механизмы сегодня задействует социалисти-

ческий китайский режим, успешно повышая научный и технический потенциал страны, и как это соотносится с общественным развитием Китая.

Известный исследователь Р.А. Медведев формулирует существующее мнение о современном Китае как о государстве, которое движется вперед уже не по социалистическому, а по капиталистическому пути, индикаторами чего выступают рост имущественного неравенства, удельный вес и размер частной собственности. Социализм же играет роль политического лозунга. Ученый подвергает эту позицию критике: для ускорения экономического развития Китай использует рычаги рыночной экономики, капиталистические методы, прежде всего, системы директивного планирования, стремясь достичь перехода на рельсы гармоничного социалистического общества с китайской спецификой. Все системообразующие предприятия (тяжелая промышленность, энергетика), транспортные системы, городская инфраструктура, крупнейшие банки и земля являются в Китае государственной собственностью, а частный капитал представлен легкой и пищевой промышленностью [7, с. 183–185].

Действительно, в отличие, например, от России, Китай прошел путь перестройки политико-экономической модели эволюционно, сумев не застрять на стадии так называемого социализма с человеческим лицом (разновидности догматического «реального» социализма), но удержаться и от «дикого капитализма». Общество и государство КНР, как политические институты, остановились на демаркационной линии. Именно поэтому китайские метаморфозы в экономике, общественном развитии увлекают философов, социологов, политологов: они воплощают в себе редкий в современном мире процесс конвергенции, то есть сближения двух систем – капитализма и социализма, основывающийся на прочном научно-техническом фундаменте.

Сегодня интерес к социализму и критика капитализма представляют определенный тренд в научной и публицистической литературе. Считается, что мировые кризисы – порождение политики развитых стран Запада наряду с различными аспектами глобализации [4, с. 473]. В мировой прессе можно найти

симптоматичные заголовки: «На капитализм нужно надеть узду» [5], «Почему молодым американцам не по душе капитализм» [15]. С точки зрения некоторых исследователей, произошедшие в прошлом и сохраняющиеся поныне конвергентные изменения создали устойчивые идеологические ориентиры, которые сегодня могут разрастаться и крепнуть, воплощаясь в массовых движениях («новые левые», антиглобалисты и др.), порицающих капиталистическую систему. При этом нужно учитывать, что капитализм переживает этапы кризиса и его противоречия могут резко обостриться, а это способно вызвать усиление институциональных аспектов конвергенции [1, с. 231].

Таким образом, несмотря на доминирование капитализма, глобальная социалистическая система не исчезла. Она частично сохранилась, хотя пережила некоторые трансформации, и многие связанные с ее существованием изменения остались и продолжают воздействовать на мировые процессы. Примером может служить влияние Индии, Вьетнама, некоторых стран Латинской Америки. В качестве примера чаще всего приводится авторитет Китая, в котором социалистическая идеология не прекратила существование. Это демонстрирует то, что научные идеи о конвергенции (синтез преимуществ социализма и капитализма), высказанные в разное время Дж. Гэлбрейтом, С.М. Меншиковым, А.Д. Сахаровым, продолжают оставаться актуальными. В свете вышесказанного цель настоящей статьи – проследить этапы становления социалистического режима и конвергентную трансформацию общества в Китае, подходы к научно-техническому прогрессу, а также отношение СССР и России к этим процессам.

В сфере научно-технического прогресса Китай всегда характеризовался новаторскими позициями. Такие изобретения, как бумага и магнитный компас (I в.), способ литья железа в формы (IV в.), порох (VIII в.), бумажные деньги (IX в.) были созданы китайцами. По метким словам Ф. Шорта, в XX в. Китай совершил «скачок» от полуколониальной зависимой державы, от вековой автаркии к мощному социалистическому режиму, обладающему атомным реактором и баллистическими ракетами [19, с. 591–593]. Необходимо отме-

тить, что этот путь не был слишком простым. Философско-теоретические идеи китайского лидера Мао Цзэдуна проложили путь практическим экспериментам над китайским народом. Согласно мнению Р. Пайпса, политика «Большого скачка», начатая в 1958 г., строилась на личном желании Мао Цзэдуна показать миру, что социалистический Китай превзошел СССР (и другие государства) в стремительном преодолении экономической отсталости [10, с. 156–157]. Однако техника и наука не использовались во благо «простого человека», так как китайский тоталитарный режим консолидировал свои силы в ходе милитаризации, концентрации огромных средств на развитие ракетно-ядерного потенциала и подавления всякой оппозиции курсу Мао Цзэдуна. Для режима было выгодно держать страну в искусственно созданной лихорадочной атмосфере военных приготовлений [9, с. 608–609].

Для режима Мао Цзэдуна было характерно множество существенных недостатков. Можно выделить лишь основные. Во-первых, имели место серьезный произвол в экономической политике и бессистемность экономических решений. Во-вторых, почти отсутствовали стимулы для внедрения достижений технического прогресса в тех сферах, которые не касались обороны. В-третьих, негативная черта режима КНР того периода – курс на изоляцию, закрытость экономической системы. В целом китайская модель того времени обнажила ряд дефектов, наиболее важный из которых с точки зрения социума – разрушение социально-психологических основ вследствие установления тоталитарной власти, формирования культа личности, несправедливого распределения благ. Это проявилось в психологии народа, и в конечном счете привело к злоупотреблению политикой культурной революции и режимом личной власти. Политика «Большого скачка» вызвала беспрецедентный хозяйственный дисбаланс, поэтому от нее пришлось отказаться.

Поэтому возникла необходимость в реальной экономической и научно-технической трансформации страны, установлении ориентиров на нужды человека, а не режима. Начавшийся вскоре процесс демонтажа системы Мао Цзэдуна означал переход от тотали-

тарного режима к авторитарной модели власти. Он (демонтаж) не только затрагивал властные структуры и государственность, но и создавал условия для необходимой эволюции в сферах экономики и социума: наметилось постепенное смягчение форм, методов и установок тоталитарного режима 1960–1970-х годов [9, с. 609].

Поэтапные социально-экономические преобразования в КНР с конца 70-х гг. XX в. начались под руководством Дэн Сяопина. Начало было положено земельной реформой, так называемой первой модернизацией. Дэн Сяопин заявлял, что ради увеличения производства допустимо единоличное крестьянское хозяйство. «Белая ли это кошка или черная, главное, чтобы она ловила мышей» [16, с. 240]. В соответствии с этим лозунгом была создана экономически свободная форма хозяйствования, при которой крестьянин стал владельцем земли, получив возможность переселения на свободные государственные земли и право создавать в деревне промыслы на индустриальной основе. Народные коммуны с коллективной формой собственности преобразовались в подобие фермерских хозяйств: земель с правом пожизненного владения распоряжался семейный подряд. При этом правительство Китая реализовало ряд программ с целью предотвращения в деревне слишком большого неравенства.

Во второй половине 1980-х был анонсирован переход к строительству «социализма с китайской спецификой». Успехи земельной реформы позволили начать «вторую модернизацию» – реорганизацию индустрии. Система директивного планирования, начавшаяся с сокращения пределов непосредственного администрирования, постепенно упразднялась. При сохранении государственной собственности предприятия получали права максимально широкой самостоятельности на началах хозрасчета и могли устанавливать цены на свою продукцию. Происходило перераспределение управленческих функций: они переходили из рук партийных секретарей к технократам, ставившим главной целью предприятия экономическую эффективность. Были сделаны первые шаги к акционированию государственных предприятий, которое открывало дорогу к созданию смешанного предприниматель-

ства. Почти половина всей рабочей силы Китая была задействована в промышленности вне сферы непосредственного государственного контроля и управления, при этом одна четверть была занята на частных предприятиях. Повышались доходы горожан, создавались новые рабочие места, увеличивались темпы роста экономики [9, с. 613].

Столь бурный экономический рост происходил при использовании современных технологий, что стало важной предпосылкой модернизации экономики в целом. Большое значение придавалось привлечению иностранных инвестиций для создания рабочих мест в наиболее современных отраслях промышленности. Компартия Китая стремилась облегчить и стимулировать этот процесс: началось образование «специальных экономических зон», которые стали «островками» капитализма в китайской социалистической экономике. Самой крупной и известной «специальной экономической зоной» стал район Шэньчжэнь, расположенный на границе с английской колонией Гонконг. Здесь строились современные предприятия – сначала легкой промышленности, затем электроники, создаваемые на основе передовых зарубежных технологий [9, с. 615].

Мощная агропромышленная система, прогресс в сельском хозяйстве, возрастающий за счет крестьян дешевый рынок труда, отказ от идеологических догм в экономике, стремительный промышленный рост, увеличение валютных резервов, иностранные инвестиции и восстановление финансовых и деловых контактов с другими странами позволили Дэн Сяопину начать реализацию следующих этапов реформирования китайской экономики (в области армии – третья модернизация). Для решения территориальных проблем Китая была создана «армия с китайской спецификой», то есть мощная, укрепленная за счет достижений науки и техники, в соответствии с системой социалистической рыночной экономики и с постоянно обновляемым вооружением. Одновременно с третьей стартовала «четвертая модернизация», направленная на развитие высоких научных технологий и обеспечение национальной технологической безопасности [6, с. 140, 162].

В основе реформ в КНР 1976–1989 гг. лежал интеллектуальный плюрализм и нонкон-

формизм: китайская научная интеллигенция интересовалась как проблемами социализма, технократии, так и ранее запрещенными идеологиями – неоконфуцианством, либерализмом. Популярностью также пользовалась монография Э. Тоффлера «Третья волна», в которой сообщалось, что «вторая волна» индустриального общества заканчивается, наступает новая эпоха – «век знания» – где информационные технологии соединят децентрализованную экономику и нужды потребителя [17]. Это совпало с представлениями китайских ученых о будущем научно-технического прогресса.

В современных исследованиях подчеркивается, что в XX в. по многим параметрам ключевую роль для Китая сыграла помощь Советского Союза, который стал важнейшим фактором поступательного движения общественно-экономической системы китайского государства [18]. Это объективная реальность: научно-техническое шефство «старшего брата» стало основополагающим в становлении КНР. Внедрение социалистической модели в самой населенной стране мира сопровождалось кредитованием экономики, предоставлением военных баз, передачей Китаю советской части Манчжурской железной дороги (которая до сих пор используется в качестве стенового хребта промышленного развития Китая), военной помощи в вооруженной борьбе с внешними и внутренними врагами. Советский Союз отправлял в Китай военных и экономических советников, поставлял оружие. В КНР выпускались копии советских автомобилей, самолетов, промышленного оборудования и другой техники. Геополитическая цель – создание в Китае подконтрольного режима, распространение социалистической идеологии – была достигнута. Китай «влился» в ряды союзников СССР. Однако через некоторое время отношения двух стран испортились. Требовалось самостоятельное становление промышленного потенциала, для чего и были задуманы китайские «четыре модернизации».

Возможно, именно конфронтация, существовавшая между крупнейшими странами социалистического лагеря, привела Китай к поиску собственного варианта развития, отличающегося от пути СССР, о чем уже говорилось выше. Тем не менее в третьей чет-

верти XX в. КНР и Советский Союз столкнулись со схожими кризисными явлениями существовавшей в этих странах социально-экономической модели. Если объективно оценивать эти процессы, представляется, что с точки зрения нужд общества в первую очередь требовалось смягчение форм и методов тоталитаризма, переход к системе авторитарного управления.

Перед Дэн Сяопином встал вопрос, как преодолеть недостатки социалистического строительства: начать модифицирование либо политической системы, либо экономической? Согласно концепции Ф. Шорта Дэн Сяопин, придя к власти, направил все силы на реорганизацию прежней политической системы, заменил ее «диктатурой буржуазии», поставив на первое место идею экономического роста, а не следование идеологическим догмам [19, с. 591–593]. Однако более приемлемой представляется точка зрения Д. Пристланда, согласно которой Китай успешно воспользовался опытом Советской России времен Ленина, где для сглаживания недовольства населения в рамках политики «военного коммунизма» с начала 1920-х была введена рыночная модель экономики (НЭП). Д. Пристланд считает, что четыре китайские «модернизации» – это продолжение идей ленинского НЭПа 1920-х, но принципиально отличающееся от реформ, начатых Никитой Хрущевым и достигших кульминации при Михаиле Горбачеве [11, с. 763].

Массовые протестные выступления на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. некоторые исследователи считают вехой, после которой Китаю следовало перейти к глубоким демократическим преобразованиям. Однако из-за колебаний политической системы в правительстве страны эта возможность была расценена как угроза идущей экономической модернизации. Подавив «революцию» в зачаточном состоянии, сохраняя незыблемость авторитарной политической системы, китайское руководство осознало необходимость дальнейшего развития частного предпринимательства, децентрализации экономики, интеграции в систему мирового разделения труда.

Что касается аналогичного переломного периода социализма в СССР, то с середины 1980-х Михаил Горбачев для преодоления схожих трудностей объявил политику пере-

стройки и ускорения, прислушавшись к той части общества, которая была явно настроена на реальные общественно-экономические и политические перемены. Это произошло вопреки тому, что общество в известной степени выказывало ориентир на частное предпринимательство и развитие экономики без опоры на государство, сохраняя при этом высокий уровень социального доверия и считая действующую власть легитимной.

Однако внешняя политика, где Михаил Горбачев одерживал ряд успехов, занимала большее внимание советского лидера, нежели экономическая система, где все чаще случались неудачи. Несмотря на поощрение кооперативов и других элементов рынка (система хозрасчета на предприятиях), для полномасштабного внедрения рыночных механизмов не хватило политической воли (при авторитарном в целом характере режима). Это стало ахиллесовой пятой социалистической системы Советского Союза: преобразования в экономике проводились поверхностно, практически не способствовали решению проблемы товарного дефицита. В результате произошли распад СССР, ликвидация общественно-экономической и политической систем. Реформирование закончилось переворотом, революцией, последствия которой Россия не может преодолеть до настоящего времени.

Таким образом, советские лидеры, думая главным образом об удержании своей власти, слишком много говорили о стабильности, боялись нововведений, прогрессивных реформ [14, с. 241]. Последствия такой политики, отразившись на экономике СССР, привели ее к застойным явлениям, дефициту товаров и услуг, недовольству населения и стали одним из катализаторов коллапса социалистического режима. Коренные преобразования оказались невозможны без твердой руки, которая была в Китае при Дэн Сяопине.

На сегодняшний день отношения России и КНР приобретают новые грани. Обе страны в целом стараются активно участвовать в научных исследованиях, проводить инновации и модернизации экономики, совершенствовать систему социальных отношений. Поэтому сопоставление двух моделей экономических отношений (капитализма и социализма) привлекает все больший интерес.

В Китае на протяжении нескольких десятиков лет наблюдается поступательное развитие экономики, хотя сохраняется авторитарный стиль правления КПК. То есть КНР является примером режима, который ориентирован на научно-технический прогресс, конвергентно объединяя преимущества двух систем.

Тема конвергенции давно вызывает большое число научных дискуссий. Нобелевский лауреат А.Д. Сахаров, рассуждая о будущем государства, науки и техники, высказывал следующее предположение: «Экономический строй, возникший в результате процесса сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования» [12, с. 39]. Представляя коммунистическое будущее СССР, А.Д. Сахаров, сам того не подозревая, в 1974 г. отчасти предвосхитил будущее Китая. Схожие проблемы анализирует и Дж. Гэлбрейт: «Нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок. Наблюдается явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования» [3, с. 111–112].

Стоит упомянуть точку зрения В.Х. Беленького, который уже в XXI в. положительно оценивает конвергенцию и дает ей научное определение как системного синтеза лучших черт социализма и капитализма, который возможен как интеграция двух систем, вживание элементов социализма в капиталистическую систему или (и) наоборот. Он считает, что конвергентные процессы вариативны, различаются глубиной, содержанием, темпами и, главное, формационными характеристиками, то есть «ближе к социализму», «ближе к капитализму», «более-менее равновесные». Например, шведский социализм – это капитализм с «социализмообразными» чертами. А Китай, по мнению В.Х. Беленького, берет из опыта капитализма то, что необходимо для преодоления противоречий в развитии социалистической системы [1, с. 232].

В.С. Семенов считает, что наличие в мире нескольких мощных общественных систем в значительной степени балансировало

односторонности общественного развития конкретных стран капитализма и социализма, то есть в определенной степени социализировало капитализм и экономически инициировало страны социализма. В этом, по словам исследователя, особенно стал преуспевать Китай с начала эффективных и действенных реформ. Происходило то, что получило название конвергенции, то есть сочетания, синтеза достижений и достоинств капитализма и социализма [14, с. 382].

Черета таких событий, как политический кризис 1991 г. и последующий распад СССР, непопулярные либеральные реформы, «увод» большей части госсобственности не позволяет говорить об отечественном синтезе социализма с капитализмом как о свершившемся факте. Выражаясь словами Д. Игнатиуса, «Россия бросилась в демократию, что закончилось хаосом, почти экономическим крахом в девяностые годы при Ельцине» (цит. по: [2, с. 164]). В современной капиталистической России от социализма избавились революционным путем, позже отказавшись и от его научно-технического потенциала. Несмотря на это, именно китайский опыт любопытен и близок нашей стране: сегодня как никогда актуальны «конвергентные шаги».

На наш взгляд, считать конвергенцию односторонним процессом, присущим только социалистическим (коммунистическим) системам, не верно. Дж. Гэлбрейт подчеркивает значение тенденции к конвергенции у всех индустриальных обществ вне зависимости от различий их национальных или идеологических притязаний. Конвергенция связана, прежде всего, с крупными масштабами современного производства, с большими вложениями капитала, совершенной техникой и со сложной организацией как важнейшим следствием названных факторов. Все это, по словам ученого, требует контроля над ценами и, насколько возможно, контроля над тем, что покупается по этим ценам, то есть рынок должен быть заменен планированием [3, с. 325].

В России имеет смысл восстанавливать отдельные принципы и методы социализма (например, планирование), если видеть конечную цель в справедливом распределении благ в стране и сплочении разобщенных социальных групп. Следует признать, что часть

российской политической элиты разделяет и совершенствует социалистические идеи, имея многочисленных сторонников, например, партии КПРФ и «Справедливая Россия», однако их политические результаты пока скромные, а о конвергенции не упоминается. Непростая ситуация в российской экономике, нарастание имущественного неравенства, эксплуатация бедных слоев населения богатыми, снижение роли образования и науки в жизни человека, напряженность во внешней и внутренней политике требуют согласованности общественно-экономических отношений, основанной на социалистических принципах.

Специалисты считают, что в начале XXI в. России удалось добиться частичных успехов не потому, что она придерживалась либеральной европейско-американской экономической модели. С.М. Меньшиков, например, подчеркивает: причина достижений кроется в том, что не были отброшены прошлые 70-летние социальные завоевания и государство концентрировало силы на высокотехнологических государственных концернах и больших инфраструктурных проектах. Таким образом, Россия последние 10 лет развивалась отчасти тоже по конвергентной модели [8].

Пребывая в XXI в. на достаточно высоких (хотя и различающихся) уровнях научно-технического развития, и Китай, и Россия обнаруживают обоюдные интересы: помимо общих геополитических противников, пристальное внимание обеих стран приковано к технике и высоким технологиям (оборонная сфера, космическая отрасль, телекоммуникации). Можно привести пример сотрудничества: проект широкофюзеляжного самолета на базе российского ИЛ-96 с привлечением российской инженерной школы и китайских производственных мощностей. Однако в подходах государств существуют значительные различия. Россия поставляет в Китай отдельные виды высоких технологий, электроэнергию и природные ресурсы, в то время как КНР экспортирует в нашу страну преимущественно товары широкого потребительского спроса. Здесь и кроется основная проблема, поскольку Россия поставляет то, что у Китая в дефиците или отсутствует в принципе, а импортируемые из Китая товары и технологии можно произвести самостоятельно, загрузив отече-

ственные предприятия и тем самым создав дополнительные рабочие места.

Китай на рубеже XX–XXI вв. обрел независимость от поставок импортной техники. Изначально это было тиражирование воспроизводимых военных, космических и других технологий, сменившееся копированием идей по основным мировым направлениям развития техники. Сегодня, не отказавшись полностью от подражания (яркий пример – автомобильная промышленность КНР), Китай держит курс на самостоятельное развитие высокотехнологичных отраслей, соперничая в этом направлении с США, ФРГ, Японией, Южной Кореей, Россией. Большое подспорье в этом для китайского научно-технического прогресса – мощное государственное стимулирование науки, строительство объединенных сборочных линий совместно с мировыми гигантами (BMW, Apple, Toyota и др.). Китай развивает и военную сферу, но не в ущерб количеству товаров народного потребления, демонстрируя действительно эффективный курс на импортозамещение. Политическая элита КНР методично развивает экономику, повышая благосостояние китайского общества, а не только защищая собственные интересы, как, например, российская элита. Фактором, стимулирующим прогресс в КНР, можно назвать продуманное антикоррупционное законодательство, действенную ответственность за взяточничество.

Китайская модель, как отмечают некоторые специалисты, еще не приняла окончательной формы. Глубокая модернизация экономики, осуществленная на базе авторитарного режима, со временем потребует демократических преобразований. Учитывая коллективный опыт стран, в которых интеллектуальное экономическое развитие начиналось сверху и происходило в авторитарной обстановке, отметим тенденцию: как только экономика достигнет достаточно высокого уровня развития, она начнет требовать демократизации [2, с. 165]. В начале 1990-х США предприняли попытку применить теорию «распространения демократии» к КНР, поставив экономические связи в зависимость от реформ политической системы Китая. Как указывает Г. Киссинджер, эта линия поведения встретила столь резкое противодействие со сторо-

ны китайского руководства, что градус настойчивости в вопросах мирового устройства президенту Биллу Клинтону пришлось снизить [4, с. 410–411].

И.А. Малевич приводит свою точку зрения. Согласно западной либеральной идеологии в условиях мощного роста рыночной экономики политическая и военная основа государственной власти должна ослабевать, а тоталитарные режимы сменяться либеральными правительствами (Южная Корея, Тайвань и др.). Однако ученый полагает, что с ростом экономической и военной мощи «китайская специфика» привела страну не к ослаблению, а, напротив, к усилению централизации и новому силовому обеспечению власти, осуществляющей реформы в стране. Группировка образованных китайских технократов во главе с Цзян Цзэмином и Ли Пэнном учла ошибки и просчеты СССР и поняла, как их избежать [6, с. 151].

Можно заключить, что особенность конвергенции социалистического и капиталистического режимов в Китае состоит в том, что с помощью техники, научных достижений и инноваций можно соединить грамотное управление, мощную экономику и стабильность общества, не доводя политический режим до состояния революции и гражданской войны. Как показывает опыт КНР, демократизация общества (по примеру СССР) отнюдь не главное условие успешной модернизации. Отметим также, что при определенных условиях в либеральной идеологии и тотальной частной собственности нет необходимости: исторические, экономические и культурные традиции в ряде государств не воспринимают подобную модель как приемлемую.

Немаловажное значение играет поступательное эволюционирование режима: мирная (экономическая, а не военная) экспансия, отсутствие финансовых кризисов и других социальных потрясений. Ключевой задачей конвергенции является гармонизация связей общества (неоднородного в любом государстве) и руководства страны посредством синтеза достижений различных политико-экономических систем. Стоит, конечно, подчеркнуть колоссальные возможности научно-технического прогресса, но его вектор должен быть нацелен на то, чтобы дополнять политическую,

социальную, нравственную и культурную составляющие политического режима. Это сегодня практически подтверждается успехами Китая и его правительства, думающего не о своих личных интересах, а о нуждах социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беленький, В. Х. Стратификационная система общества: некоторые вопросы теории и общественного развития / В. Х. Беленький. – Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2009. – 244 с.
2. Бжезинский, З. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики / З. Бжезинский, Б. Скоукрофт. – М. : Астрель, 2012. – 317 с.
3. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Эксмо, 2008. – 1200 с.
4. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. – М. : АСТ, 2015. – 512 с.
5. Лагановскис, Г. На капитализм нужно надеть узду / Г. Лагановскис // *Latvijas Vestnesis*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140113/216416888.html> (дата обращения: 25.10.2016). – Загл. с экрана.
6. Малевич, И. А. Азиатский треугольник драконов / И. А. Малевич. – М. : АСТ, 2006. – 640 с.
7. Медведев, Р. А. Подъем Китая / Р. А. Медведев. – М. : Астрель, 2012. – 318 с.
8. Меньшиков, С. М. Конвергенция – случайность или неизбежность? / С. М. Меньшиков, Л. А. Клименко // Общественно-политический еженедельник «Слово». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://gazeta-slovo.ru/politika/2498-konvergentsiya-sluchajnost-ili-neizbezhnost> (дата обращения: 25.10.2016). – Загл. с экрана.
9. Непомнин, О. Е. История Китая. XX век / О. Е. Непомнин. – М. : Ин-т востоковедения РАН : Крафт+, 2011. – 736 с.
10. Пайпс, Р. Коммунизм / Р. Пайпс. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – 200 с.
11. Пристланд, Д. Красный флаг: история коммунизма / Д. Пристланд. – М. : Эксмо, 2011. – 976 с.
12. Сахаров, А. Д. Мир, прогресс, права человека : статьи и выступления / А. Д. Сахаров. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 128 с.
13. Седельников, М. В. Научно-технический прогресс в США: социально-философские факторы милитаризации политического режима / М. В. Седельников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (60), Ч. II. – С. 142–146.
14. Семенов, В. С. Уроки XX века и путь в XXI век: (социально-философский анализ и про-

гноз) / В. С. Семенов. – М. : Ин-т философии РАН, 2000. – 411 с.

15. Симон, С. Почему молодым американцам не по душе капитализм / С. Симон // *Slate.fr*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/social/20160623/236947067.html> (дата обращения: 25.10.2016). – Загл. с экрана.
16. Сяопин, Д. Основные вопросы современного Китая / Д. Сяопин. – М. : Политиздат, 1988. – 256 с.
17. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.
18. Широкопад, А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество / А. Б. Широкопад. – М. : Вече, 2004. – 448 с.
19. Шорт, Ф. Мао Цзэдун / Ф. Шорт. – М. : АСТ, 2005. – 606 с.

REFERENCES

1. Belenkiy V.Kh. *Stratifikatsionnaya sistema obshchestva: nekotorye voprosy teorii i obshchestvennogo razvitiya* [Stratification System of Society: Some Questions of the Theory and Social Development]. Krasnoyarsk, Sibir. federal. un-t Publ., 2009. 244 p.
2. Bzhezinskiy Z., Skoukroft B. *Amerika i mir. Besedy o budushchem amerikanskoy vneshney politiki* [America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy]. Moscow, Astrel Publ., 2012. 317 p.
3. Galbraith J. *Novoe industrialnoe obshchestvo. Izbrannoe* [The New Industrial State. Selected Works]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 1200 p.
4. Kissinger H. *Mirovoy poryadok* [World Order]. Moscow, AST Publ., 2015. 512 p.
5. Laganovskis G. *Na kapitalizm nuzhno nadet uzdu* [You Need to Put a Bridle on Capitalism]. *Latvijas Vestnesis*, 2014. Available at: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140113/216416888.html>. (accessed October 25, 2016).
6. Malevich I.A. *Aziatskiy treugolnik drakonov* [Asian Dragons Triangle]. Moscow, AST Publ., 2006. 640 p.
7. Medvedev R.A. *Podyem Kitaya* [The Rise of China]. Moscow, Astrel Publ., 2012. 318 p.
8. Menshikov S.M., Klimenko L.A. *Konvergentsiya – sluchaynost ili neizbezhnost? [Convergence – Coincidence or Inevitability?]. Obshchestvenno-politicheskiy ezhenedelnik «Slovo», 2014. Available at: http://gazeta-slovo.ru/politika/2498-konvergentsiya-sluchajnost-ili-neizbezhnost. (accessed October 25, 2016).*
9. Nepomnin O.E. *Istoriya Kitaya. XX vek* [The History of China. 20th Century]. Moscow, In-t vostokovedeniya RAN Publ.; Kraft+ Publ., 2011. 736 p.
10. Pipes R. *Kommunizm* [Communism]. Moscow, Mosk. shk. polit. issled. Publ., 2002. 200 p.

11. Priestland D. *Krasnyy flag: istoriya kommunizma* [The Red Flag: A History of Communism]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 976 p.

12. Sakharov A.D. *Mir, progress, prava cheloveka: statyi i vystupleniya* [Peace, Progress, Human Rights: Articles and Speeches]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel Publ., 1990. 128 p.

13. Sedelnikov M.V. Nauchno-tekhnicheskiy progress v SShA: sotsialno-filosofskie faktory militarizatsii politicheskogo rezhima [Scientific and Technical Progress in the United States: Social and Philosophical Factors of the Political Regime Militarization]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvo-vedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 10 (60), part II, pp. 142-146.

14. Semenov V.S. *Uroki XX veka i put v XXI vek: (sotsialno-filosofskiy analiz i prognoz)* [The

Lessons of the 20th Century and the Way to the 21st Century: (Socio-Philosophical Analysis and Forecast)]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 2000. 411 p.

15. Simon S. Pochemu molodym amerikantsam ne po dushe kapitalizm [Why Young Americans do not Like Capitalism]. *Slate.fr*, 2016. Available at: <http://inosmi.ru/social/20160623/236947067.html>. (accessed October 25, 2016).

16. Xiaoping D. *Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaya* [The Main Issues in Contemporary China]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 256 p.

17. Toffler A. *Tretya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST Publ., 1999. 784 p.

18. Shirokorad A.B. *Rossiya i Kitay. Konflikty i sotrudnichestvo* [Russia and China. Conflicts and Cooperation]. Moscow, Veche Publ., 2004. 448 p.

19. Short F. Mao Tzedun [Mao. A Life]. Moscow, AST Publ., 2005. 606 p.

MODERN ASPECTS OF THE THEORY OF CONVERGENCE: THE EXPERIENCE OF CAPITALISM AND SOCIALISM SYNTHESIS IN CHINA

Mikhail Valeryevich Sedelnikov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy,
Siberian Federal University
mike.sedelnikov@yandex.ru
Prosp. Svobodnyy, 82a, 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to understanding the experience of political and socio-economic transformation of modern China, walking on the path of formation of advanced industrial society. Contrary to expectations of some capitalist countries, the global socialist system did not ceased to exist after the end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union, it has been preserved and transformed, now continuing to have an impact on many geopolitical processes in the world. Its driving force today is China which committed the “upgrade” of its own socialist regime. Implementation of the synthesis of socialism and the individual methods of capitalism in this country reflect the modern view of the theory of convergence as the inter-conditionality of the integration of certain elements of the socialist and capitalist political systems. It is suggested that “convergent modernization”, which the socialist system of China was subjected to over the past decades, both in the field of politics, economy, and in the field of social relationships, is correlated with the outstanding achievements of this country in the sphere of scientific and technical progress. The author deals with the issues of constructive nature of comparative experience of “market socialism” construction in China and the USSR, as well as the feasibility of certain principles and methods of socialism in Russia.

Key words: convergence, political system, socialism, capitalism, social and economic development, scientific and technological progress, modernization.